

Богданович Г.Ю.

СНИЖЕННАЯ ЛЕКСИКА КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ

“Историческая эволюция любого литературного языка может быть представлена как ряд последовательных “снижений”, варваризаций, но лучше сказать – как ряд концентрических развертываний”, – так известный ученый В.С.Елистратов отмечает регулярность этого явления, сопровождающего конец всякой стабильной эпохи: создается ощущение, что общество и нация теряют ценности и нравственные ориентиры и, соответственно, язык – ориентацию в поле стилей” [6, с.57].

О том, что русский язык засоряется различного рода сниженной лексикой, твердят практически все русскоязычные газеты последнего времени, точнее сказать, не говорит об этом лишь ленивый. Не отстают от них и лингвисты, которым безразлична судьба родного языка [12; 2]. Одним из “каналов” появления лексики со сниженной стилистической окраской являются окказиональные образования, называемые иногда индивидуально-авторскими.

На страницах газет индивидуально-авторские образования занимают особое место. Чаще всего – это результат игры со словом. Причем неузвальное словообразование наблюдается во всех сферах, кроме деловой. Данное явление связано сегодня с особой раскрепощенностью газет. Поэтому нынешнее время можно назвать “веком окказионализмов” [9].

Начало XXI века отмечено возросшим интересом лингвистов к живой русской речи, благодаря мене идеологического строя, открывшей путь демократизации всех слоев жизненного пространства социума. Подобный интерес к лексике нестандартной, замалчиваемой в эпоху политики государственного пуризма, обусловлен также проникновением неcodифицированного экспрессивного материала в СМИ, когда по частотности употребления, степени функциональной активности он оказывается способным конкурировать с традиционными литературно-языковыми средствами. Искусственное отрешение подобного пласта современного русского языка равносильно сознательному идеологическому вмешательству в течение инновационных процессов ибо, по словам И. А. Бодуэна де Куртенэ, “мы не вправе переделывать русский язык. Мы не вправе скрывать из него то, что в нем действительно есть и что в нем бьется интенсивною жизнью”.

Итак, обращение к проблеме внелитературных составляющих представляется весьма актуальным, ввиду тех процессов, которые активно протекают в языке. Это активизация разговорной речи, расширение сфер ее функционирования; активный процесс фиксации сниженных языковых структур художественной прозой, теле- и радиoproграммами.

Одной из характерных черт современной языковой ситуации является жаргонизация речи.

Актуальной для современной лингвистики стала проблема разграничения понятий *арго-жаргон-сленг* [6]. Требуют уточнения и дефиниции этих понятий, т. к. границы между этими тремя языковыми стратами становятся все более зыбкими. Е.А. Лукашенец [4, с. 62] призывает вообще отказаться от этих традиционных для социолингвистики понятий и ограничиться двумя универсальными для всей социально маркированной лексики терминами – социолект и социолектизм, считая, что они сохраняют экспрессивно-оценочные коннотации традиционных терминов, но при этом структурируют однородные социально означенные дифференциации словарного состава языка.

Однако следует помнить о противоречивости культуры [20, с. 61-66]. На сегодняшний день существует настолько запутанная терминология, что разобраться в ней крайне сложно: арго (арготизм), жаргон (жаргонизм), интержаргон, общий жаргон, жаргонизированная лексика, жаргонная лексика, сленг (сленгизм), сниженная разговорная лексика, экспрессивная лексика ненормативного употребления и др.

Авторы учебного пособия “Русский язык и культура речи” [16] определяют данные понятия в качестве синонимичных. По их мнению, все то, что называется жаргоном, или арго, или сленгом, или социальным диалектом, находится за рамками современного русского литературного языка и, соответственно, не подлежит нормализации, а напротив, относится к области ненормативных языковых проявлений. Любой социальный диалект имеет узкую сферу распространения, ограничен территориально и связан временем своего существования. Причем большинство жаргонизмов обладает размытой семантикой: даже члены одной социальной группы могут понимать одно и то же слово по-разному; и данное слово способно обозначать разные понятия для представителей разных социальных групп.

Л. И. Скворцов [17, с. 82)] считает, что жаргоны принадлежат относительно открытым социальным и профессиональным группам людей, объединенных общностью интересов, привычек, занятий, социального положения и т. п.

Социальные жаргоны возникают на основе литературной лексики чаще всего путем переосмысления ее, когда или отсутствует однословное профессионально-терминологическое наименование, или появляется потребность ярче, эмоциональнее передать представление о предмете [24, с.226].

Совокупность языковых особенностей, присущих [1, с. 47-52] какой-либо социальной группе – профессиональной, сословной, возрастной – в пределах той или иной подсистемы национального языка в лингвистике именуется *социолектом*. Данный термин удобен для обозначения разнообразных и несхожих друг с другом языковых образований, обладающих общим объединяющим признаком: обслуживание коммуникативных потребностей социально ограниченных групп людей.

Социолекты не являют собой целостных систем коммуникации. Это именно особенности речи – в виде

слов, словосочетаний, синтаксических конструкций. Основа социолектов – словарная и грамматическая – практически не отличается от характерной для данного национального языка.

“Специальная”, “профессиональная” лексика, хотя и представляется непрофессионалам по большей части сугубо книжной, не может не употребляться специалистами и в неофициальном, разговорном общении. Тем более, что не всегда просматривается четкая граница между “официальным” и “неофициальным” наименованием. Но “лицо” социально-профессионального диалекта определяет не “специальная”, а специфическая разговорная лексика, отражающая не только реалии профессии и социального положения той или иной группы людей, но и свойственные этой группе взгляды на жизнь, убеждения, а также “языковые вкусы”. Когда имеют в виду подобного рода лексику, то говорят о жаргонах и арго.

Жаргон – достояние “открытых” социально-профессиональных групп: школьников, студентов, врачей, спортсменов. Как эти группы не изолированы от общества, так и жаргон не является средством изоляции от “непосвященных”, а только отражает специфику быта, занятий.

Арго, в отличие от жаргона, является достоянием замкнутых, стремящихся к обособлению социально-профессиональных групп и призвано служить одним из средств этого обособления. Поэтому для арго характерна искусственность, условность, которая должна обеспечить тайность общения, принятые в определенной среде и непонятные остальной части общества способы словесного общения.

Наряду с этими терминами получило распространение и слово “сленг” (слэнг). “Приходится констатировать, – отмечает А. И. Горшков, – что в употреблении этих трех слов в качестве терминов нет строгой последовательности и однозначности, как нет четких границ между обозначаемыми этими терминами явлениями” [3, с.223]. “... В жаргоне преобладает выражение принадлежности к [данной] группе, в арго – языковая маскировка содержания коммуникаций”. Причины существования арго обусловлены потребностью в удовлетворении экспрессии и наличие элементов магического отношения к миру.

Термин *сленг* более характерен для западной лингвистической традиции. Содержательно он близок к тому, что обозначается термином *жаргон*.

Жаргон как маргинальная система отражает все закономерности системы нормативной, в т. ч. когнитивную и прагматическую организацию языкового материала. Прежде всего это стилистически сниженные слова и выражения родного языка, стоящие как бы особняком, или такие, которые “пытаются скрывать неприятные истины и способствовать успеху говорящего или же успешному продвижению того вопроса, дела, продукта, который говорящий представляет путем вербальной манипуляции, жертвой которой оказываются читатели и слушатели” [18, с.336].

Словарь русского языка уравнивает семантически и социально понятия “арго” и “жаргон”: *арго* (лингв.). Условный язык какой-либо небольшой социальной группы, отличающийся от общенародного языка лексикой, но не обладающий собственной фонетикой и грамматической системой; жаргон [19, с. 44]; *жаргон* (лингв.). Условный знак какой-либо небольшой социальной группы, отличающейся от общенародного языка лексикой, но не обладающий собственной фонетикой и грамматической системой; арго [19, с. 472]. Термин “сленг”/“слэнг” словарем не зафиксирован.

Арго является одним из самых “синкретических” феноменов языка: в нем собраны язык (со всеми экстралингвистическими средствами), быт, социальные отношения, социальная и индивидуальная психология и культура.

В. Елистратов, автор “Словаря русского арго”, под арго предлагает понимать “систему словотворчества, систему порождения слов, выражений и текстов, систему приемов поэтического искусства ... поэтику, разновидность поэтики... инвариантную систему порождения многочисленных вариантов...” [7, с. 581]. При этом в языковой поведенческой культуре человечества необходимо различать два социально-культурных фактора: 1) наличие разделения труда на уровне осознанных цеховых корпораций; 2) наличие интеграционных процессов на основе товарообмена. Именно арго является языковым отражением потребности людей объединяться с различными целями. Чем сильнее внутренние традиции социума, чем более он обособлен от окружающего мира в ключевых для его существования вопросах, тем самобытнее, самостоятельнее арго.

Арготизм содержит в себе не только информацию о быте, но и информацию об отношении арготирующего социума к быту. Это не просто слово с его точным значением, а как бы единица мироощущения.

При соблюдении каких условий возможно вхождение жаргонизмов в литературный язык? О. Б. Трубина [25, с. 238-239] видит этот путь следующим: корпоративный жаргон – общий жаргон (интержаргон) – просторечие – разговорная речь – литературный язык. На этапе “разговорная речь – литературный язык” слова проходят “зону нейтрализации”: перестают выполнять креативную функцию, маркирующую функцию; расширяется сфера употребления, слово становится известным большинству носителей языка, входит в язык художественной литературы, язык СМИ, публицистики. Но яркий стилистический “шлейф” остается за словом до следующего этапа. При вхождении в разговорную речь жаргонизм окончательно формирует свое семантическое поле, происходит грамматическая и семантическая трансформация слова (изменение парадигмы). Автор выделяет следующие семантические особенности жаргонизмов: 1) наличие в семантике слова семы, указывающей на сферу употребления; 2) семантическая трансформация; 3) несвободное значение; 4) обязательная эмоциональность, экспрессивность и оценочность (пейоративная).

Любой язык национально маркирован, т. е. кроме социальной природы в нем необходимо выделять и конкретное этнолингвистическое проявление. В языке социально отражается и национально воспроизводится процесс создания материальных и духовных ценностей народа.

Но не все разновидности национального языка, в частности русского, имеют одинаковый статус, с точки зрения прогресса и вклада в мировую цивилизацию, и способны с достаточной полнотой отражать ценности культуры. Лишь литературный язык в состоянии стать “сокровищницей отражения всей материальной и духовной культуры народа” [25, с. 121].

С этой точкой зрения трудно не согласиться, однако жаргонология весьма успешно расширяет рамки лингвистической имманентности и является показателем и социальной полноценности самого языка, и степени свободы гуманитарной мысли, которая естественным образом зависит от духовной раскрепощенности общества, допускающего в принципе литературно-жаргонную диглоссию, что само по себе является знаком культурной зрелости этого общества, толерантного по отношению к альтернативному личностно-языковому или социально-групповому самовыражению [21, с.176].

На языковую ситуацию конкретного региона в наибольшей степени влияет общий сленг (интержаргон, по Л. И. Скворцову), который не ограничен ни социальными, ни групповыми рамками. Общий сленг – это своеобразная корзина, которая наполняется за счет элементов различных социолектов, откуда они, распространяясь в устной речи, попадают в язык средств массовой коммуникации (газеты, радио, телевидение) и, функционируя в одних текстах с литературной лексикой, претендуют на получение статуса общелитературности [15, с.6].

Важной составляющей любого полиэтничного региона оказывается суржик. Для существования суржика как понятия определяющими являются метаязыковая и оценочная рефлексии, в то время как собственно лингвальная сущность этого феномена достаточно аморфна и размыта. Суржик – это элемент двух или нескольких языков, объединенных достаточно искусственно, без соблюдения норм литературного языка; нечистый язык [21, с.102-120]. Образная мотивация этого термина достаточно прозрачна: смесь зерна пшеницы и ржи, ржи и ячменя, ячменя и овса. Такая же – бесцветно-смысловая – мотивация и суржика белорусского происхождения, или *трасянки*: “смесь сена с соломой для кормления скота” [25].

Лингвисты сходятся на том, что *суржик* – все-таки язык, хотя до олитературивания, легализации его как полноценного еще далеко.

Современная метаязыковая рефлексия, отмечает Л. Ставицкая, охотно заменяет суржик жаргоном, перенося эмоциональность и информативность последнего вместе с параллельной “дефинизацией” по аналогии – языковая аномалия – в плоскость явлений, ругательством которые не назовешь, но непристойностью – можно. Те, кто более-менее положительно относятся к суржику, склонны считать его [язык] территориальным диалектом, причины существования которого следующие: 1) неразработанность разговорно-просторечного варианта украинского языка; 2) избавить от русских (украинских) слов собственный лексикон суржикоязычному человеку практически невозможно, ибо это будет равнозначно культурному шоку, ведь изменить собственный языковый мир – значит измениться самому.

Автор утверждает, что ни территориальный, ни социальный фактор не детерминирует суржик. Исследуя природу возникновения данного феномена, можно считать, что “суржик – скалічена мова українських селян – виникає як наслідок поросійщення в умовах міської комунікації з усім комплексом супровідних психічних та духовно-ментальних деструкцій особистості, яка пристосовує рідну говірку до “городської”, престижної мови” [21, с. 107].

Причины стойкости суржика имеют собственно лингвальную и экстралингвальную природу. К лингвальным “предпосылкам” следует отнести существование массива контрастивной лексики, ибо “чим менша етнічна дистанція (наприклад, росіяни, українці), тим більш істотними є відмінності між порівнюваними явищами...” [21, с. 108]. Среди экстралингвальных факторов следует учитывать социально-адаптивные способности человеческой психики, которые реализуются при попадании индивида в иную культурно-языковую среду.

Сленг, жаргон, брань, вульгаризм – все эти стилоформленные личностью говорящего образования предопределяют все-таки творчество духа, поэтику вербальных и невербальных жестов, чего нельзя сказать про суржик, который прежде всего – упрощенная парадигма мышления, а потому – знак духовно-интеллектуальной ущербности как таковой. В качестве формы просторечия суржик является знаком “подолання страху перед мовою”, способом не утратить родное наречие безвозвратно [21]. Но суржик способен к трансформации в русский или украинский язык: чтобы динамика осуществилась, необходимо “проговаривание” на этом языке жизненного опыта.

Суржик как явление функционирует в социальных общностях, как стойких, так и стихийных, наиболее благоприятные условия существования для него создает семейная коммуникация. К суржику могут обращаться как к средству языковой игры, например, представители молодежной среды. Главное – помнить: легче перейти с русского языка на украинский, чем через переходную стадию суржика.

А. Малько отмечает явление интерференции и в условиях русско-белорусского двуязычия, характерное для современной языковой ситуации Беларуси и известное как “трасянка”. Существуют и другие обозначения данного языкового феномена: “мешаніна”, “ламаніна”, “тарабаршчына”, “маматрасянка”. Автором указывается негативность влияния данного языкового продукта на культуру как белорусской, так и русской речи, выходом ему видится “целенаправленное лингвистическое образование, иначе двуязычие превратится в безъязычие, особенно там, где национальная интеллигенция не владеет языком своего народа” [25, с. 214].

Субкультура, как бы к ней ни относиться, – составная часть культуры социума. Она имеет достаточно широкую среду обитания и немалое представительство. Непривычную для радетелей чистоты русской

культуры позицию обозначил В.С.Елистратов, который считает необходимым “вывести изучение арготизмов из рамок социолингвистики на более широкое и плодотворное поле лингвокультурологии и лингвофилософии” и рассматривать арготизм как “единицу взаимодействия языка и культуры”, а отдельный арготизм – “как коллективную языковую интерпретацию кванта культуры” [5].

Опыт углубленного изучения жаргонов (дискурсивное освоение, вхождение в синонимические отношения со словами литературного языка, приближение к адресату как коммуникативная стратегия “публичного” адресата и др.) оказывается весьма полезным для лингвокультурологических оценок и обобщений.

Рассмотрение языка как проявителя особенностей социальной жизни, внимание к реальному говорению реальных людей, к их речевой деятельности предполагает изучение такого образования, как жаргон.

Одной из заметных тенденций последнего времени, видимо, следует считать усиленное проникновение в жизнь человека слов со сниженной окраской, таких, как жаргонизмы, вульгаризмы, различного рода бранные слова. Ученые отмечают, что эта тенденция совпадает с теми изменениями, которые претерпел русский язык после 1917 года. Закономерность подобного рода была отмечена в языках, народы которых переживали смену общественного строя. Почему вдруг образовался такой слой лексики? По утверждению С.Г.Тер-Минасовой [22], “язык улицы”, грубый, вульгарный, служил подтверждением правильной, “революционной” классовой принадлежности, а правильный литературный язык выдавал “гнилую интеллигенцию” и “проклятую буржуазию”. И предлагалось оправдание – “идеологическая основа”.

Поток жаргонизмов, брани, нецензурных выражений, грязных и грубых слов появляется на страницах газет, журналов, художественной литературы. А о речевой коммуникации даже и говорить не приходится. Думается, это отражение социокультурных явлений в обществе. Отчего это происходит? В качестве объяснения можно предположить ложно понятую свободу вообще и свободу слова в частности – как бы вид протеста против запретов тоталитаризма, с одной стороны; с другой – влияние “новых русских” или подыгрывание им (этот новый класс составили люди не слишком образованные, но баснословно разбогатевшие, чрезвычайно активные и влиятельные. От их прошлого (да и настоящего) – мода на прибалтийский, иногда воровской жаргон [22].

В субкультуре жаргон является проявителем статусных отношений, сигналом статуса человека в общении. Наибольшей выраженностью социальный статус обладает в молодежном жаргоне, где признак возраста доминирует и “определяет такие характеристики молодежного жаргона, как преимущественное обозначение межличностных отношений, обозначение действий, затрагивающих интересы группы, и поступков, связанных с какой-либо чертой характера, обилие пейоративов, называющих понятия “зазнаваться”, “жадничать”, “обманывать”, “заискивать” и др.” [23, с.24-28].

Субстандартное общение – это общение на сокращенной социальной дистанции [10, с.263]. Таким образом, жаргон – часть экстралингвистической реальности, которая соответствует стратам (факторам) социолекта. Социолект – термин, служащий “для обозначения коллективного, или группового, языка”, это “инвариантный признак социально маркированных подсистем языка”, “набор языковых кодов, которыми владеют индивиды, объединенные какой-либо стратой” [8, с.87, 88]. К ведущим стратам социолекта относятся пол, возраст, место рождения и место проживания, уровень образования, специальность.

Меняются возрастные показатели – на смену одним приходят другие жаргонизмы, “взрослые” и отвечающие критериям мира больших людей.

“Самая большая беда, обозначившаяся в XX веке, - считает В.В.Колесов, - заключается в утрате высокого стиля... исчезновение высокого стиля привело к тому, что вульгарный низкий стиль занял место среднего, традиционно являвшегося источником поступления в литературный язык нормативных элементов системы (средний стиль заместил высокий); произошло то, что Д.С.Лихачев назвал “внедрением в подсознание воровской идеологии”, поскольку широким потоком в нашу обычную речь хлынули экспрессивные формы воровского, вообще криминального происхождения [11, с.151].

О “беде” можно говорить в структурах риторического мышления, а можно постараться разобраться в причинах. Лингвокультурологический, социолингвистический подходы дают возможность не просто “одобрять” или “клеить” а понять, с одной стороны, неизбежность изменений в области нормы, с другой – конкретизировать задачи повышения культуры речи.

Жаргонная лексика отражает экстралингвистическую реальность, далеко выходящую за сферу бытового общения.

Взаимодействие социолектов с национальной языковой средой – проблема как лингвистики, так и лингвокультурологии. Активное влияние кодов субкультуры на коды культуры социально “возвышает” первые и “размывает” содержание вторых. Интерпретируя единицы субкультуры как “важные языковые доминанты российской действительности” [13, с.85], исследователи основываются на реальных фактах повседневной жизни, анализ которых показывает, что возрастной страт “превышает” страт национальности: старший возраст по отношению к субкультуре семиотически не маркирован, средний возраст – мало маркирован (в зависимости от страта “специальность” и “образование”), речевое поведение молодежи находится в сильной зависимости от стереотипов массовой культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беликов В.И., Крысин Л.П. Социоллингвистика: Учебник для вузов. – М.: Рос. Гос. Гуманит. Ун-т, 2001. – 439 с.
2. Горбаневский М.В., Караулов Ю.Н., Шаклеин В.М. Не говори шершавым языком. М.: Галерея, 1999.
3. Горшков А.И. Лекции по русской стилистике. – М.: Изд-во Литературного института им.А.М.Горького, 2000. – 272 с.
4. Диалог культур в аспекте проблем обучения в высшей школе: Материалы конференции. – Луганск, 2001. – 218 с.
5. Елистратов В.С. Московское аргю. – М., 1994. – с.672.
6. Елистратов В.С. “Сниженный язык” и “национальный характер” // Вопросы философии. – 1998. - № 10 - с.57.
7. Елистратов В.С. Словарь русского аргю (материалы 1980-1990-х гг.) – М.: Русские словари, 2000. – 694 с.
8. Ерофеева Т.И. Социолект в стратификационном исполнении // Русский язык сегодня – И.: Азбуковник, 2000. – с.87, 88.
9. Земская Е.А. Активные процессы современного словопроизводства. Русский язык конца XX столетия (1895-1995). – М.: Языки русской культуры, 1996. – 477 с.
10. Карасик В.И. Язык социального статуса. – М.: ИТДГК “Гнозис”, 2002. – 333 с.
11. Колесов В.В. “Жизнь происходит от слова”. – СПб: Златоуст, 1999. – 368 с.
12. Костомаров В.Г. “Языковой вкус эпохи”. - СПб., 1999.
13. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Фразеология в контексте субкультуры // Фразеология в контексте культуры. – М.: Яз.я.культуры, 1999.
14. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русского жаргона. – СПб.: Норинт, 2001. – 720 с.
15. Русистика: Сб. научных трудов. – Вып. 1. – К.: Изд-полдиграфич. Центр “Київський університет”, 2001. – 115 с.
16. Русский язык и культура речи: Учебник для вузов. – М.: Высшая школа; С-Пб: Изд-во РГПУ им.А.И.Герцена, 2002. – 509 с.
17. Скворцов Л.И. Жаргоны //Русский язык: Энциклопедия. – М., 1978. – С. 82.
18. Словарь и культура русской речи: К 100-летию со дня рождения С.И.Ожегова. – М.: Индрик, 2001. – 560 с.
19. Словарь русского языка: в 4-х т. / АН СССР, Ин-т русского языка. – М.: Русский язык, 1981-1984.
20. Соболева И.А.. Язык СМИ как вектор внутриязыкового развития // Социоллингвистика: XXI век. – Луганск: Знание, 2002. – 296 с.
21. Ставицкая Л. Социокультурные аспекты украинской жаргонологии //Динамизм социальных процессов в постсоветском обществе: Материалы международного семинара. – Луганск: Луганский гос.пед ун-т им. Т.Шевченко, 2000. – 294 с.- С.174-181.
22. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация – М.: Слово/Slovo, 2000. - 624 с.
23. Уздинская Е.В. Семантическое своеобразие современного молодежного жаргона// Активные процессы в языке Ии речи. Сб.Научных трудов. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1991. – С.24-28.
24. Фомина М.И. Современный русский язык. Лексикология. Учебник. – М.: Высшая школа, 2001. – 415 с.
25. Язык и культура // Международная научная конференция (Москва, 14-17 сентября 2001): Тезисы докладов. – М., 2001. – 368 с.